

ИСТОРИЯ

«ИНГВАР АНДЕРССОН»

ШВЕДНИ

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Ингвар Андерссон История Швеции с древнейших времен до Первой мировой войны

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74182106

История Швеции с древнейших времен до Первой мировой войны: Гермес

Букс; Москва; 2026

ISBN 978-5-9524-6681-4

Аннотация

Известный историк, главный хранитель Национального архива Швеции, член Шведской академии Ингвар Андерссон представил исследование истории Швеции с древнейших времен до Первой мировой войны. На основе обширного фактического материала автор анализирует основные события в истории Швеции: появление первых поселений на полуострове и первые упоминания о них античными историками, образование государства, распространение христианства, развитие науки и культуры. Рассматривает особенности взаимодействия церкви с королевской властью и классом феодалов, причины народных волнений; освещает вопросы экономики, развитие торговли и промышленности. Говоря об экономическом развитии страны, ученый останавливается на вопросах социальной истории,

приводит немало интересных и важных фактов. Большое внимание Андерссон уделяет тесной связи внешней политики с внутренней, освещает положение в стране в период Первой мировой войны и в послевоенное время.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Глава 1. Образование Скандинавского полуострова и заселение Швеции (до 500 г. до н. э.)	6
Глава 2. Железный век и подъем долины Меларна (500 г. до н. э. – 800 г. н. э.)	21
Глава 3. Шведы во времена викингов (800-1050 гг.)	38
Глава 4. Начало проповеди христианства в Швеции (830-1100 гг.)	50
Глава 5. От рода и общины к единому государству (1050–1250 гг.)	64
Конец ознакомительного фрагмента.	70

История Швеции с древнейших времен до Первой мировой войны

Ingvar Andersson

Sveriges Historia

© Художественное оформление ООО «Гермес Букс»,
2026

Перевод со шведского А. В. Давыдова.

Глава 1. Образование Скандинавского полуострова и заселение Швеции (до 500 г. до н. э.)

О древнейшем прошлом шведской страны и шведского народа нам говорят наслоения земной коры и геологические находки. Для того чтобы раскрыть смысл их свидетельств, ученым понадобилось много времени, труда и усилий мысли.

До этого была распространена легендарная история Швеции. Еще в XIII в. исландец Снурре Стурлусон подробно рассказывал о переселении Одина и асов¹ из Азии и с берегов Дона в долину Меларн; там якобы Один занял землю, дал народу законы и религию. После этого будто бы захватили власть Ниорд и Фрей, прибывшие с Одином из Азии. После Фрея (он же Ингве) королями в Упсале были его потомки (династия Инглинга).

В своем повествовании Снурре частично использовал знаменитое сказание IX в. норвежца Тиодольфа из Вина о династии Инглинга – «Инглингаталь», но прибавил к нему немало своих вымыслов.

¹ Асы – боги древней скандинавской религии; Один – верховный бог, Ниорд – бог воздуха и ветров, Фрей – бог солнца и дождя. (Здесь и далее примеч. ред.)

Это была не единственная легенда о происхождении Швеции. К концу Средних веков была создана другая, еще более фантастическая версия о первоначальных судьбах Швеции. Проживавшие в областях Вестерйётланд и Эстерйётланд ёты² безоговорочно отождествлялись с известными в эпоху переселения народов готами. Был создан бесконечный ряд легендарных шведских королей. Этот ряд королей был смело связан с Ветхим Заветом, благодаря чему можно было проследить историю шведских монархов вплоть до Всемирного потопа.

Теперь, когда эти вымыслы отброшены, появилась возможность изучить еще более ранние периоды истории страны, чем те, о которых писали Снурре Стурлусон и шведские ученые XVI в. Удалось действительно дойти до большого «потопа», но не библейского, а просто до великого таяния льдов, продолжавшегося тысячелетия, освободившего от ледяного покрова значительную часть Скандинавского полуострова и послужившего одной из причин образования огромного числа его ледников, ручьев и рек, впадающих в море. Следы, оставленные этими ледяными потоками на шведской земле, весьма интересны, и для истории их истолкование имеет большое значение.

Это геологическое событие осветил в своих трудах шведский геолог Герард де Геер. Геологи уже давно знали, что Северная Европа десятки тысяч лет назад была покрыта гро-

² Ёты – одно из главных племен древней Швеции.

мадным слоем льда, толщиной, возможно, до километра. Знали также о том, что было несколько периодов оледенения и таяния льдов. По слоям почвы, по валунам и по бороздам, оставленным громадными массами льда на склонах гор, можно восстановить в общих чертах ход событий. Де Геер пришел к мысли о возможности точно установить, когда и с какой скоростью происходили процессы постепенного отступления льда на север под растущим воздействием солнца за последний период таяния льдов. Когда южный край ледяного массива под влиянием повышения температуры стал отступать с каждым годом все дальше на север, ледниковые ручьи откладывали каждое лето слой глины и ила поверх прежних наслоений, причем один годовой слой можно было ясно отличить от другого (как годовые кольца на дереве); каждый слой начинался несколько севернее предыдущего.

Не все годы были одинаковы по температуре; в одни из них отложений было больше, в другие – меньше. Отметки, остававшиеся после прохождения льдов, имели малозаметные отличия друг от друга, но отдельные слои отложений можно легко распознать. Если раскопать все эти слои глины, то мы сможем ясно видеть все годовые отложения, которые являются как бы записью годов до таяния льдов. С помощью этих отложений по шведской «геохронологической системе» де Геера можно с совершенной точностью установить на целые тысячелетия надежную хронологическую схему.

Таяние льдов происходило, как уже говорилось, неравно-

мерно. В определенные годы лед прочно удерживался, а когда он отступил до Северной Швеции, то крепко держался там в течение долгого времени. Но наконец тепло снова победило, и с тех пор отступление льда на север происходило с громадной скоростью – в иной солнечный год южный край ледника отступал на 400 м. В конце концов пояс холода достиг своих нынешних границ. Этот естественный процесс продолжался очень долго. По слоям глины видно, что великое таяние льдов началось в Южной Швеции за 12 тыс. лет до н. э. и еще продолжалось в Центральной Швеции приблизительно за 9 тыс. лет до н. э.

Под давлением огромных масс материкового льда южные части Скандинавского полуострова опустились значительно ниже поверхности Балтийского моря. Затем освобождаемая постепенно от этих миллиардов тонн льда земля стала подниматься из морских глубин – сначала на юге, а затем и дальше к северу, по мере таяния льда. Дольше всего льды держались на востоке, вдоль побережья ледяного моря; в продолжение тысячелетий Эстерйётланд, Сёдерманланд и Уиланд представляли собой только узкую полосу земли или архипелаг в море, покрытом льдом. На юге, напротив, поднятие суши после таяния льдов совершалось настолько бурно, что выступило из моря даже нынешнее дно проливов Сунд и Бельт. Сегодняшняя Швеция таким образом была соединена с датскими островами и Ютландией, а следовательно, и с Европейским континентом. Балтийское море в этот период

было внутренним морем, и воды его стекали через большие реки (река Свеа) в Северное море, которое, в свою очередь, большой дугой простиралось до современного озера Венерн. Конечно, этот шведский континент не имел ничего общего со Швецией наших дней ни по климату, ни по протяжению, ни по географическим границам. Поэтому естественно, что, говоря об этом периоде исторического развития, историки рассматривают Скандинавию как одно целое, не различая еще ее отдельных частей, оформившихся только в более позднее время.

В поисках удобной для обитания земли человек часто продвигался по следам отступающего ледника, заселяя постепенно освобождавшиеся ото льда земли. Как только флора тундры – ива и карликовая береза – и представители ее фауны – северный олень и песец – достигли теперешних южных земель Швеции, там появился человек. Постепенно климат смягчался, стало тепло и сухо; появились береза, сосна и позднее орешник; страна покрылась лесами. Первые следы человека обнаружены у озера Ринг в Сконе и у Сандара в пределах границ современного Гётеборга. Человек появился в Скандинавии примерно за 6 тыс. лет (или более) до н. э.

Только ли здесь человек впервые достиг территории нынешней Швеции? На этот вопрос трудно ответить определенно. По-видимому, на северо-западном и северном побережье Скандинавии человек жил в течение всего ледникового периода. Возможно, что эти области были свободны ото

льда даже в самые холодные периоды, и жившие здесь северные племена «зимовали» в течение тысячелетий по краям великого ледника, находившегося внутри страны, подобно эскимосам, живущим на берегах Гренландии. В таком случае возможно, что заселение шведской земли, освобождаемой ото льда, совершалось и с севера, и с северо-запада. Много древних, с трудом поддающихся датировке следов первобытной человеческой культуры найдено также в самой северной части Швеции и даже у озера Торнетреск в Лапландии. Уже очень давно человек-охотник каменного века с юга и юго-запада стремился к северу, вплоть до Емтланда. Но все это еще пока лишь догадки. Возможно, что новые находки на далеком севере со временем дадут более точные данные.

В то время как в северной части Швеции еще происходило таяние льдов и постепенное повышение суши, южная часть, наоборот, начала понижаться, опускаясь под поверхность моря. Масса теплой и соленой воды Атлантического океана влилась в Балтийское море. Проливы Сунд и Бельт нарушили связь Сконе с датскими островами. Климат Швеции становился более мягким и влажным. На протяжении этого периода в таких благоприятных природных условиях и происходило передвижение охотничьих и рыбачьих племен по Швеции. Вдоль южного и западного побережья, то есть в пределах старых датских и норвежских провинций, селились люди, вооруженные каменными (главным образом кремневыми) орудиями, силками и орудиями для рыбной ловли.

В то время люди уже знали гончарное искусство. С побережья они продвинулись по рекам и озерам в глубь страны; это были уже не спорадические набеги, а настоящее расселение. Люди или пересекали всю Швецию, или же шли к северному побережью по восточному берегу, линия которого тогда проходила значительно западнее, чем теперь (вся та территория, которая позднее образовала долину Меларн, находилась еще под водой). Наиболее известны племена, обосновавшиеся у Лимхамн в западной части Мальмё и возле юго-западной части залива Шельдер.

Для того чтобы восстановить подлинную историческую картину первых тысячелетий жизни страны, геологи и археологи Скандинавии проделали большую работу. Многочисленные археологические находки очень трудно было расположить в хронологическом порядке. Большую пользу в этой работе принес так называемый типологический метод, разработанный шведскими учеными Хансом Хильдебрандом и Оскаром Монтелиусом, их датским коллегой Софусом Мюллером и многими их учениками в Скандинавских странах. На основании представления о том, как, например, один тип кремневого топора развился из другого, можно было ясно установить хронологическую последовательность создания различных типов орудий производства, определить, какое из них относится к более древней эпохе, какое – к более поздней. Хотя потом поняли, что различные типы орудий долгое время использовались одновременно и поэтому их хроно-

логическая последовательность не всегда ясна, все же сравнительная типология сыграла большую роль в исторических изысканиях.

Другое крупное завоевание шведской науки, которое дало возможность исследовать вопрос о связи истории человеческого труда с большими изменениями климата и естественных условий, — это анализ пыльцы растений. Этот метод разработан шведскими и датскими учеными, в том числе геологом Леннартом Постом. Пыльца цветов древесных пород в начале каждого лета ложится на поверхности воды и земли, образуя своего рода отложения. Так как частицы пыльцы не гибнут во влажной земле, микроскопический анализ мха показывает, какая растительность существовала в лесах Швеции во время образования в нем отложений пыльцы. Так можно проанализировать слой за слоем, начиная с древнейших времен, постепенно сменявшие друг друга виды шведской флоры, а вместе с тем и изменения климата Швеции, и таким путем получить «диаграмму пыльцы» интересующего нас слоя мха. Анализ частиц пыльцы в археологических находках может позволить нам еще точнее определить время образования этой растительности. Путем параллельного анализа пластов земли на месте находки, путем исследования самой находки и анализа приставших к ней частиц пыльцы можно получить ответ на вопрос о природных условиях, существовавших в период, когда употреблялось то или иное орудие.

До развития земледелия и скотоводства заселение территории Швеции носило примитивный и случайный характер. Люди жили, с трудом добывая средства пропитания, в постоянной жестокой борьбе за свое существование. Умерших хоронили поблизости от жилья. Все это изменилось, как только человек познакомился с зерновыми злаками и отдельными видами домашнего скота, прежде всего с рогатым скотом и свиньей. Только теперь человек стал хозяином естественных ресурсов и мог начать регулярно делать запасы, только теперь он мог прекратить постоянные поиски новых мест для рыбной ловли и охоты. Занимаясь земледелием и скотоводством, он мог начать на постоянном месте собирать запасы продовольствия на год вперед – запасы «живого мяса» и зерна. Эта новая форма хозяйственной культуры утвердилась в Швеции примерно за 3 тыс. лет до н. э. Она произвела огромный всесторонний переворот в условиях существования человека.

Эта новая форма культуры в Швеции может быть «картографирована» благодаря появлению новых типов кремневых орудий, хорошо приспособленных для выкорчевки лесов и отшлифованных с большим искусством. Об этой новой форме можно судить также по замечательным могильным памятникам первых земледельцев, свидетельствующим о возникновении новых представлений о загробной жизни и новых религиозных верований вообще. Земледельческая куль-

тура раньше всего утвердилась в тех частях Швеции, которые первоначально были датскими: в Сконе через Зеландию и на западном побережье через север Ютландии. В этих областях сохранилось наибольшее количество древнейших могильных памятников – дольменов. В следующую эпоху, когда курганные гробницы с крытым ходом становятся обычным типом могил, земледельческие племена продвинулись дальше: в Фальбюгде, в средней части Вестерйётланда, имеется настоящий город курганов с крытыми ходами, имеющий более двухсот могил на территории, не превышающей 9 кв. км. Помимо этих мест, такие курганы найдены еще и на Эланде. Заселение Швеции земледельческими племенами происходило очень медленно: во многих местностях обжитые ими места чередовались с девственными лесами.

Существует мнение, что земледелие и скотоводство проникли в Швецию не путем «культурной связи», но благодаря переселению в Швецию другого народа или, вернее, других племен через современную Данию. Прежде всего речь идет о той части Швеции, которая до 1658 г. была датской. На этот спорный вопрос, по-видимому, еще нельзя дать окончательный ответ.

Важнейшими путями, по которым шли земледельцы и распространялось земледелие, были, по-видимому, пути внутрь страны вдоль рек и озер, а также пути вдоль восточных берегов страны. Постепенно в позднейший период каменного века это продвижение достигло Сёдерманланда, где

за последнее время были сделаны археологические находки, которые трудно точно датировать, указывающие на наличие поселений земледельцев, возделывавших пшеницу и рожь. В те далекие времена климат этой части Швеции был гораздо мягче современного и благоприятствовал развитию новых видов земледельческих культур. Но первобытные земледельцы не обрабатывали земли тех обширных земледельческих областей, которые имеются в современной Швеции. Плодородные земли, которые при обработке современными сельскохозяйственными методами дают высокие урожаи, не были пригодны для земледельцев каменного века, в лучшем случае располагавших простой сохой и слабыми быками; тогда не дошли еще до мысли об осушении сырых мест. Первые шведские земледельцы искали «легкой» и сухой почвы и селились всюду, где они ее находили и где имелись хорошие пастбища. Культурный уровень земледельческого населения был значительно выше культурного уровня охотничьих племен. Кремневые орудия производства земледельческих племен свидетельствуют о техническом искусстве, а могильные памятники – о значительной способности к организации труда и об определенных, хотя и трудно поддающихся истолкованию представлениях о загробной жизни как продолжении земной.

Эти земледельческие племена не были, однако, единственными и бесспорными обитателями страны. Рядом с ними сохранялись еще охотничьи и рыбачьи племена с преж-

ним образом жизни, которые относились очень недоверчиво, а часто даже враждебно к новому образу жизни. Кроме того, в шведско-датской области и в Средней Швеции, как и в самой западной части Дании, в Ютландии, в районе «одинок-ных могил», в ранний период каменного века получили рас-пространение новые формы материальной культуры, может быть свидетельствующие о появлении нового народа. Это был народ со своеобразной формой погребений (одинокные неглубокие могилы, без огромных каменных блоков и без больших земляных насыпей, с отшлифованным особым об-разом каменным оружием – «топорами для тесания лодок»), живший сначала обособленно от поселений первых земле-дельцев. По некоторым признакам можно предположить, что здесь мы имеем дело с переселением какой-то народности, вышедшей из Центральной Европы и прибывшей в Швецию с юго-востока или с востока. Трудно сказать, что это была за народность. Возможно, это было какое-либо кочевое племя или племя всадников со своими особыми представлениями и своим особым образом жизни, отличным от земледельцев. Этот народ, по-видимому, вступил на шведскую землю при-близительно за 2 тыс. лет до н. э. Он быстро расселился, и отдельные его ветви достигли даже самого севера Швеции³.

Обо всех столкновениях и мирных связях, наложивших

³ Термин «народ», применяемый автором в отношении групп населения камен-ного века, совершенно ненаучен. Народ как таковой появляется только в клас-совом обществе.

отпечаток на жизнь в эти века и внесших большие изменения в ведение хозяйства, мы можем судить лишь по догадкам. Происходившие тогда столкновения и заключавшиеся между племенами союзы привели в конце каменного века (характерным материальным памятником которого является погребение в ящиках из каменных плит) к важному результату. Охотничьи племена, земледельцы и народ с «топорами для тесания лодок», видимо, постепенно слились в единый народ, который с тех пор заселяет уже самые различные области Швеции. Но основными местами заселения остаются в эту эпоху все же так называемые «датско-шведские» области, особенно Сконе с его богатыми залежами кремня – товара, который тогда высоко ценился во всей Швеции. Недалеко от Мальмё найдены целые кремневые «рудники» периода каменного века. Там возник настоящий «горный промысел», своего рода кремневая промышленность. Не раз находили, часто даже на далеком севере, орудия, сделанные из сконского кремня; сам же кремень – драгоценная порода камня эпохи каменного века – в других частях страны встречается редко. На юге Швеции были также найдены изделия из меди и бронзы, свидетельствующие об оживленных торговых сношениях с другими частями Европы. Именно здесь, в Южной Швеции, широко развилась обработка бронзы. Эта отрасль ремесла напоминает нам датское ремесло того времени. «Датско-шведские» области с их обширными связями посредничали в распространении больших достижений

культуры далеко на север.

Но культура давно проникла и в самые глухие и пустынные области Швеции. Части Швеции, которые в дальнейшем стали Центральной Швецией, также начали подниматься из моря – повышение суши продолжалось. Поселений стало больше, теперь они располагались ближе друг к другу, хотя все еще долгое время оставались маленькими островками среди бесконечных лесов и болот.

В самом начале так называемого бронзового века кремень все еще продолжал оставаться основной «почвой» культуры, а более тонкое или более пышное бронзовое искусство было ее цветком. Люди достигли очень высокого искусства литья из бронзы различных предметов утвари, украшений, оружия, даже рожков, в которые трубили во время неизвестных нам религиозных церемоний.

Маленькие изображения, отлитые из бронзы, заставляют предполагать, что имелись огромные изображения богов, вырезанные из дерева.

Духовная жизнь этого периода, насколько можно ее представить, в значительной степени отличалась от жизни предшествующей эпохи. Как и для более раннего периода, мы узнаем об этом из погребальных сооружений. Большие каменные погребения и одиночные могилы исчезли. Вместо них появились огромные земляные или каменные курганы, где хоронили покойников вместе с их украшениями и прочими предметами. Вскоре затем появился совершенно но-

вый способ погребения – сожжение трупов. Этот новый способ был следствием целого переворота в представлениях людей о загробной жизни. Для этой эпохи (приблизительно за 1500—500 лет до н. э.) мы располагаем еще одним замечательным источником, язык которого пока не полностью изучен, освещающим ряд черт духовной культуры того времени. На гладких скалах часто встречаются вырезанные загадочные изображения людей, топоров, пастушьих рожков, кораблей, плугов и быков, солнца и следов ног. Эти вырезанные на скалах рисунки особенно часто встречаются в Бохусе, Эстерйётланде и Сконе, но попадаются также и в Норланде. Не всегда можно точно сказать, что изображено на этих рисунках: заклинание, поклонение богам или просто рассказ, но ясно одно, что они отображают религию солнца и плодородия бронзового века.

Первобытные зубры, болотные черепахи, благородные олени с огромными рогами – все эти животные давно вымерли. Северный олень ушел на крайний север, резко изменился растительный мир Швеции, но человек прочно обосновался на шведской земле. В борьбе за существование человек с помощью огня, кремня, глины, первых металлов, домашнего скота и злаков одержал решающую победу. Но многие дары шведской земли нужно еще было у нее взять.

Глава 2. Железный век и подъем долины Меларна (500 г. до н. э. – 800 г. н. э.)

Второй большой переворот в жизни первых шведских поселенцев произвело открытие железа и найденная вскоре после этого возможность использовать новые богатства недр шведской земли: болотную руду и болотный железняк, а значительно позже и горные руды.

Старые поселения, богатые кремнем, исчезают, и вместо них постепенно выдвигаются на первый план новые поселения, богатые железом. Железный век начинается приблизительно за 500 лет до нашей эры.

Эта новая эпоха может быть названа «эпохой ржи, железа и штанов». Количество археологических находок, относящихся к этой эпохе, незначительно.

Климат в тот период стал более холодным и сырым; человеку нужны были более стойкие злаки и теплая одежда.

Общее поднятие Скандинавского полуострова над поверхностью моря повлекло за собой появление новых территорий вдоль восточного побережья. Благодаря этому увеличивалось количество земли, пригодной для использования человеком. Земледелие и скотоводство, постепенно приспособляясь к меняющимся условиям природы, естествен-

но, испытали «технический прогресс», как выразился датский ученый Гудмунд Хатт. Его слова применимы и к шведским поселениям. Человек той эпохи стал, например, употреблять более мощный плуг, дающий больший производственный эффект. В то время как земледелие, таким образом, все более совершенствовалось и постепенно принимало новые, устойчивые формы, первые слухи о далекой северной земле стали доходить до народов юга – греков и римлян. Благодаря им мы и получили некоторые сведения о жизни Скандинавии в эпоху, приблизительно соответствующую началу нашей эры.

В представлении древних греков и римлян на огромные, почти необъятные пространства вокруг стран, находившихся в центре известной тогда небольшой части суши, простирался Океан. Считалось, что от Геркулесовых столпов⁴ земля дугой уходила к северу и югу. А там, далеко на севере, в таинственной, сказочной стране находились знаменитые Рифейские горы, откуда будто бы брала свое начало река Танаис (Дон), которая текла на юг и впадала в Эвксинское (Черное) море. О том, что берега Европы простираются далеко на север, об островах, полуостровах, проливах, озерах народы, населявшие средиземноморские страны, долго ничего не знали. Приблизительно в 300 г. до н. э., то есть уже в более поздний период железного века в Скандинавии, грек Пифий отправился на паруснике из Массилии (Марселя) на

⁴ Геркулесовы столпы – древнее название Гибралтарского пролива.

север вдоль западных берегов Европы. Трудно точно установить, как далеко удалось ему зайти, но он оставил интересный рассказ о своих странствиях. Так, Пифий нашел ту страну, «где солнце уходит на покой» и «где ночь очень коротка; в некоторых местах она продолжается два часа, а в некоторых – три, так что солнце вскоре после своего захода снова поднимается». Далее он рассказал о некоей Фуле – стране, расположенной к северу от Британии, неподалеку от застывшего моря, где ночь продолжается полгода, о болотистых землях и островах, куда море выбрасывает дивный янтарь, и об огромном острове, лежащем среди моря. Во времена императора Августа, приблизительно в самом начале нашей эры, берега Северного моря были более тщательно исследованы, и уже несколько десятилетий спустя Плиний Старший впервые упомянул Скандинавию и другие острова⁵, лежащие в Северном море, а также реку Вислу, которая впадает в это море. Римлян привлекал к этим далеким легендарным странам янтарь; между римлянами и Скандинавией возникли оживленные торговые сношения через лежащие между ними страны.

В те времена в Римской империи никто еще не слышал о шведских племенах. Однако скоро возникают рассказы о них. Выдающийся римский историк Корнелий Тацит в своем знаменитом труде о Германии, написанном в 98 г. н. э., впервые упоминает о племени свионов, живших дальше лу-

⁵ Древние римляне считали Скандинавию островом.

гиев, готонов, ругиев и лемовиев. Вот что пишет Тацит о свионах: «Отсюда [на север] на самом Океане живут племена свионов, которые сильны не только пехотой и вообще войском, но и флотом. Форма их кораблей отличается тем, что с обеих сторон у них находится нос, что дает им возможность когда угодно приставать к берегу; они не употребляют парусов, а весла не прикрепляют к бортам одно за другим; они свободны, как это бывает на некоторых реках, и подвижны, так что грести ими можно и в ту и в другую сторону, смотря по надобности. Богатство у свионов в чести, поэтому ими повелевает один [человек], без всяких ограничений, а не с условным правом на повиновение. Оружие у них не находится на руках у всех, как у остальных германцев, но заперто и стережется, именно рабом; это делается потому, что внезапному нападению неприятелей препятствует Океан, а кроме того, праздные руки вооруженных людей [легко] переходят границы дозволенного; и действительно, не в интересах короля поручать надзор за оружием кому-нибудь из знати или из свободных и даже из вольноотпущенников».

«За свионами, – повествует далее Тацит, – находится другое море, тихое и почти неподвижное; что это море опоясывает и замыкает земной круг, удостоверяется тем, что последнее сияние уже заходящего солнца продолжается до восхода, и настолько ярко, что помрачает звезды. Воображение прибавляет к этому, что, когда солнце выплывает из воды, слышен шум и видны очертания лошадей и лучи вокруг го-

ловы. И только до сих пор продолжается мир, и молва об этом справедлива»⁶.

Тацитовских свионов, живших у самого Океана и обладавших могущественным флотом и сильными бойцами, историки обычно отождествляют со свеями, населявшими область Меларн в Швеции. Нет никаких сомнений, что такое отождествление правильно. Но как разделить правду от фантазии в рассказах Тацита о народе, живущем у самого края мира, около того места, где колесница бога солнца поднимается из ледяного моря? Пока можно лишь сказать кое-что в пользу достоверности одной детали в описании Тацита, что стало возможным вследствие одной значительной археологической находки на датской земле – судна из Юртспрингкоббль на острове Альс. Это – изящной формы деревянный бот со штевнем на обоих концах, без уключин для весел, но с довольно большим числом не прикрепленных к бортам легких двухлопастных весел, найденных около судна. Тацит говорит о гребных судах именно того типа, который был найден на острове Альс. Может быть, это судно и не из земли свионов, но оно, несомненно, принадлежит к области культуры, с которой они были связаны, и остатки этого судна, относящегося к периоду, близкому к началу нашей эры (возможно, за триста лет до нее), целиком соответствуют описанию Тацита в I в. н. э.

⁶ Перевод С. П. Моравского из сборника «Древние германцы» (М., 1937. С. 79–80).

Одним словом, благодаря сообщениям римлян swei прочно вошли в историю, и мы можем, таким образом, предположить, что, наряду с прежними южными областями Швеции, занимавшими до того центральное место в жизни страны, заметную роль начинают играть и новые области. Около 150 г. н. э. ученый грек Птолемей из Александрии начертил первую, в основном правильную, карту географического расположения стран, прилегающих к Балтийскому морю. На этой карте Швеция показана как самый восточный и самый большой из четырех островов, расположенных «в германском океане», и носит название Скандии, что соответствует Сконе и Скандинавии. По словам Птолемея, на этом острове живут γούτοι, то есть ёты; однако северная часть этого острова осталась неизвестной Птолемею, и он не знал, что Скандинавия – полуостров, протянувшийся далеко на север.

В то время, когда Пифий совершал свое путешествие на север, сношения скандинавов с югом, насколько можно судить, были не очень оживленными. Но, когда в последние 50 лет до н. э. между римлянами и континентальными германцами начались оживленные сношения, носившие то дружеский, то враждебный характер, их влияние косвенно распространилось и на Швецию. Археологи называют первые века нашей эры «римским железным веком». По торговым путям, шедшим вдоль больших германских рек, римская культура достигла и Скандинавии. Среди археологических находок, относящихся к той эпохе, много стеклянных кубков,

чаш, ваз, кувшинов, бронзовых сит для вина, которые выделялись искусными римскими мастерами той эпохи. Было найдено много римских серебряных монет, прежде всего на Готланде; эти находки свидетельствуют об интенсивных экономических связях между Римом и Скандинавией. Рунический шрифт, возникший на основе классического римского капитального шрифта и раньше всего появившийся дальше к югу, дошел и до Скандинавии, и шведы постепенно научились записывать рунами на камне формулы заклинаний и имена. Готский историк Иордан в VI в. уже дает описание северных стран, в котором мы можем распознать ряд наименований сконских и халландских племен, а также ётов и свеев. Он пишет: «Здесь живет народ *suehans*, который, подобно тюрингам, обладает замечательными конями. Некоторые из этого народа путем торговли, через бесчисленные другие народы, поставляют римлянам сапфировый мех, знаменитый своей лоснящейся чернотой... За ним идет много разных народов – *theustes*, *vagot*, *bergio*, *hallin*, *liothida*... За ними. *finnaithae*, *fervir*, *gauthigoth*, сильный народ, всегда готовый к бою».

Здесь *suehans* означает «свеи», *hallin* и *bergio* связаны с Халландом и уездом Бьере, *finnaithae* – с Финнведеном, *gauthigoth* – с Ёталандом.

В V в. и в начале VI в. Швеция была богата золотом и драгоценностями. Торговля и пиратские набеги принесли шведам их долю в той огромной добыче, которую герман-

ские племена в это время стали захватывать в распадающейся Римской империи. Но этот период был не только периодом обогащения Швеции, совпадавшим по времени с Великим переселением народов на материке: он был также периодом постоянной тревоги и междоусобиц. Это подтверждается различными находками, относящимися к IV и V вв. н. э.

Богато украшенное оружие, военные трофеи победителей, найденные в земле клады золотых монет и слитков, которые богачи того времени зарывали в землю, боясь войны и грабежей, – все это говорит о беспокойном времени, соответствующем по характеру бурной эпохе великих переселений воинственных народов Европы и падения Римской империи. Об этом беспокойном времени свидетельствуют сохранившиеся до сих пор в Швеции многочисленные (около 500) примитивные укрепления, в которых, видимо, могло укрываться сравнительно большое количество местных жителей. Такие крепости воздвигались во многих областях Швеции, но особенно много их было в Центральной Швеции и на двух крупных островах Балтийского моря. Те же опасности, которые заставляли богачей зарывать свои сокровища в землю, заставили людей собираться в этих огромных укреплениях, воздвигнутых в неприступных горных местах или среди бездонных болот.

Приблизительно с 500 г. н. э. выдвигается новая центральная область Швеции – Упланд. Почва в этой области поднялась до такой степени, что внутренние ее долины – прежде

заливы – превратились в плодородные пастбища и большие охотничьи угодья. Именно отсюда стал вывозиться из Швеции в другие страны, может быть, самый ценный экспортный товар того времени – драгоценные меха редкого блеска, описанные Иорданом. До сих пор вблизи Старой Упсалы и Венделя высятся курганы, отмечающие места погребения местных князей. Как здесь, так и в других местах (Вальсйёрде) вблизи водной системы Фюрисо знатные люди погребались в своих кораблях. Вместе с людьми в кораблях погребалось и имущество, которое по своей роскоши, богатству и изяществу не имело себе равного во всей тогдашней Скандинавии. Шлемы и оружие были украшены замечательными изображениями, воспроизводившими сцены из жизни богов и героев. Именно к этому времени относится повествование Иордана о многих племенах Швеции; некоторые из них, как, например, племя, жившее в Упланде, достигали большой мощи и богатства.

Но не только рассказы народов, населявших берега Средиземного моря, проливают свет на глубокий мрак, окутывающий тогдашнюю Швецию. Поэма «Беовульф», замечательный памятник древнеанглийского эпоса, говорящая главным образом о данах и «геатах», мимоходом упоминает также о военных столкновениях между свеями и геатами, что заставляет относить описанные события приблизительно к началу VI в. Среди скандинавских историков вопрос о том, кого понимать под «геатами» – «ётов» или «ютов», – классический

спорный вопрос. Различные подробности в поэме позволяют высказать и то и другое предположения. Первое толкование более соблазнительно для историка Швеции. Быть может, наиболее простое и правдоподобное объяснение этих противоречий можно найти в том, что автор поэмы объединял в своих «геатах» предания, которые относились и к «ётам» и к «ютам». Если мы даже примем более осторожное толкование слова «геаты» как «юты», то и тогда поэма «Беовульф» даст нам значительный материал для освещения древней шведской истории.

В поэме «Беовульф» рассказывается, как Беовульф, опекун короля геатов Хеардред, принимает при своем дворе изгнанников, сыновей короля свеев Отера, враждующих с братом их отца Онелой, «прославленным князем, первым из всех морских владык, который раздавал сокровища в державе свеев». Между Онелой и Хеардредом вспыхнула война. А когда впоследствии Беовульф стал королем геатов, он поддержал сына Отера – Эадгильса, снабдив его «оружием и воинами для борьбы за широким морем». Эадгильс одержал также победу над узурпатором в Швеции и стал королем этой страны. Старый король свеев Онгентеов, отец враждующих Отера и Онелы, также вступает в борьбу против геатов и в конце концов гибнет от их руки.

Конечно, во всем этом древнем эпосе можно почувствовать только очень туманный намек на державу свеев, о которой свидетельствуют могильные курганы и пышные погребения.

бения в кораблях. Но упомянутые в древнеанглийском эпосе Ангантир, Але, Оттар, Адильс – так будут звучать эти имена, если мы сведем древнеанглийские формы к их шведским соответствиям, – все же первые в истории Швеции, которые известны нам по имени. В древности думали, что имя само по себе есть что-то великое и полное силы, тесно связанное с человеком, который его носит, и первые имена людей в летописях Швеции свидетельствуют о склонности к фантазии и обладают особенным очарованием. Но вопрос заключается в том, являются ли все эти герои эпоса, короли свеев, только легендарными героями, или они в действительности существовали и царствовали.

Ответ на этот вопрос отчасти может дать уже упомянутая поэма Тиодольфа «Сказание об Инглингах». В длинном ряду упсальских королей, которых поэт воспекает в своем сказании, образы старейших поколений, правда, в значительной степени проникнуты духом мифа и саги; но затем в этом творении Тиодольфа появляется ряд знакомых имен и образов: это те же имена и образы, которые мы уже встретили в неясных местах поэмы «Беовульф».

Тиодольф не упоминает Ангантира, но об Оттаре и Адильсе он сообщает. Мы приводим ниже строфы эпоса Тиодольфа, в которых они упоминаются. Эти строфы, если передать их содержание менее замысловатым языком, просто говорят о том, что Оттар погибает в бою с датскими вождями, а Адильс умирает, упав с лошади.

Оттар пал храбро от меча данов,
став добычей орлов.
Коршун-стервятник на поле Венделя
впился в его труп кровавой лапой.
Так, я слышал, свеи долго
помнили деяния Вотра и Фасте:
князя острова Фроде —
убийцы господина.
Еще я слышал, чары ведьмы
зло накликали на жизнь Адильса;
насмерть разбился знаменитый властитель,
упав с коня.
С галькой смешался
сок мозга потомка богов.
В Упсале недруг Але
встретил смерть, предначертанную роком.

Эти два источника — древнеанглийский эпос и песня исландца Тиодольфа — происходят из мест, далеко отстоящих друг от друга, и нельзя думать, что какое-либо указание одного из них покоится на данных другого. Они частично подтверждают друг друга. Отсюда неизбежен тот вывод, что совпадающие имена королей свеев, названные в обоих источниках, принадлежат людям, действительно существовавшим.

Приблизительно к этому же эпическому периоду истории шведского народа надо отнести и древнейшие рельефные изображения на камнях, воспроизводящие мотивы легенд и

мифов из жизни героев ранней Швеции. Неясные сведения об этом же периоде времени, возможно, содержатся также и в обширнейшей и своеобразнейшей из всех северных рунических надписей на камнях – надписи в Рёке в Эстерйётланде, над разгадкой которой долго бились археологи всей Скандинавии; эта надпись относится, вероятно, к временам викингов. В стихотворной ее части содержатся некоторые сведения о короле Тиодрике (возможно, это сам Теодорих Великий, король остготов). Некоторые строки этой надписи напоминают нам об эпохе переселения народов:

На готском коне
властитель мерингов
сидит теперь вооруженный,
со щитом на ремне.

В рунических надписях, найденных в более южных областях, мы также встречаем указания на связь событий в Скандинавии эпохи викингов с Великим переселением народов. Византийский историк VI в. Прокопий упоминает о племени герулов, жившем к северу от Дуная между Мархом и Эйпелем. Это племя, рассказывает Прокопий, напало на своих соседей лангобардов, но потерпело поражение и «вынуждено было уйти со своих унаследованных от отцов мест». Часть герулов переселилась в Иллирию, находившуюся в пределах границ Римского государства.

«Другая часть, – рассказывает далее Прокопий, – в по-

исках новых мест поселения пыталась обосноваться в самых северных областях обитаемого мира. Под предводительством многочисленных членов своего королевского рода они прошли сначала одну за другой все славянские земли, попали затем в простирающуюся на огромное расстояние бесплодную пустыню и наконец добрались до народа по имени варны. Затем они поспешно миновали земли, заселенные да-нами, причем эти варвары не причинили им никакого вреда. Потом они достигли Океана, переплыли его, направились далее в сторону острова Фуле, где и обосновались». В дальнейшем Прокопий более точно определяет их местопребывание: «рядом с ётами».

К концу этой замечательной эпической эпохи наблюдается также проникновение жителей Восточной Швеции и Гот-ланда и юго-восточную часть побережья Балтийского моря. Кладбище в нынешней Латвии, у Гробини подле Лиепай, – яркое и несомненное свидетельство среднешведского и гот-ландского влияния. Старейшие из этих шведских гробниц в Латвии археологи относят ко второй половине VII в.

Тесные связи с Европой времен переселения народов, огромные богатства, ничем не ограничиваемая страсть к роскоши господствующей группы населения Швеции, а помимо этого, состояние постоянного беспокойства и междо-усобиц – вот что нам известно о жизни шведской страны и ее обитателей в VI в. и в эпоху, следующую за ним. Торговля дорогими мехами и благородными металлами, пиратство

и колонизация земель за морем выявляют другую сторону жизни Швеции в это время. К концу этого периода наиболее передовыми племенами на территории Швеции оказываются два племени – свеи и готландцы.

Но за эти столетия в Швеции произошло еще одно событие, может быть, более важное, чем иные внешние события, кажущиеся более значительными.

Для того времени мы располагаем новым источником, дающим возможность по-новому объяснить одну из важнейших страниц шведской истории. Это – наименования местностей, к которым последние поколения исследователей относились с особым интересом. Для их изучения была создана целая наука, о них существует обширная литература. Эти старейшие материалы, сохранившиеся на шведском языке, дают много нового по сравнению с изучавшимися ранее рассказами иностранцев и тем, что в дальнейшем удалось разыскать археологам и геологам. Ранее считали, что ныне существующие названия местностей возникли еще в каменном веке; более критические новейшие изыскания относят эти старейшие названия именно к той эпохе, которую мы здесь описываем. Старейшие названия местностей принадлежат к типу Odensvi, Skatelov, Gudhem, Ulltuna, Svartinge, Agnesta(d), Stigtomta, Orby, Torsakra и т. д. По различным причинам, в частности потому, что они связаны с языческими именами богов или людей, названия этих местностей могут быть отнесены к тому языческому времени, о кото-

ром здесь идет речь. Эти языковые памятники свидетельствуют прежде всего о том, что уже тогда все названия местностей давались на «svensk tunga» (шведском языке). Шведский язык, в то время, конечно, значительно менее отличавшийся от других северных языков, имел право гражданства в Швеции уже в период, к которому относятся первые языковые данные, дошедшие до нас с территории Швеции. Один датский ученый верно отметил, что все вышеприведенные окончания и названия местностей, обозначающие различным образом понятие дома (hem), местожительства, деревни, поля, свидетельствуют об упорной и ожесточенной борьбе крестьянина за свое независимое существование.

Топонимисты и археологи в самое последнее время пришли к той мысли, что приблизительно в середине 1-го тыс. н. э. среди шведского крестьянства установился тот вид оседлого образа жизни, который затем господствовал более тысячелетия: создавалась крестьянская община с крепко сложенным единым хозяйством и с тесным сотрудничеством между дворами в деревнях и в поле. Естественно, что такая крепкая форма организации возникла в период внешних смут и коренной ломки хозяйственной жизни. Тесная сплоченность и общий труд создавали более эффективные формы земледелия и скотоводства; это давало возможность общими усилиями вспахивать плугом земли более тяжелые, но могущие дать в конечном счете более богатый урожай. Полагают, что именно в этот период начали распахать в широких мас-

штабах целину, и в дальнейшем распахиwanie новых земель получило постоянный характер, о чем свидетельствуют старейшие названия деревень. К этому следует добавить, что в результате продолжавшегося в течение 1-го тыс. н. э. поднятия почвы в распоряжении человека оказались новые отличные пастбища. К торговле, морским походам и колонизации, которыми занимались высшие классы населения, прибавилось теперь наличие крестьянской общины и заселение новых областей. Без сомнения, это был замечательный период в истории Швеции, хотя детали его еще неясны и неточны.

Логическим следствием внутренней реорганизации страны явились в ближайшие столетия – IX и X вв. – походы викингов, предвестники экспансии в юго-восточной части побережья Балтийского моря. Во времена викингов Швеция стала единым государством; первые указания на зачатки такого единого государства мы встречаем уже у Тацита в его описании свионов эпохи императора Траяна.

Глава 3. Шведы во времена викингов (800-1050 гг.)

Жители Бохуслена, Халланда, Сконе и Блекинге вместе с датчанами и норвежцами часто уходили на запад в походы против жителей больших и малых островов Атлантического океана, франков и других более отдаленных народов. Но чаще они предпочитали походы на Восток: шведские викинги продолжали, но только в более грандиозных размерах, разбойничьи набеги VII и VIII вв. Стимулом для этих крупных предприятий были завязавшиеся еще в прошлом торговые сношения шведов с народами Востока, усилившаяся концентрация власти знати и более эффективная организация общин. Теперь проводились крупные торговые экспедиции, и, так как одним из важнейших товаров были рабы, эти торговые походы, естественно, комбинировались с пиратством.

Через Россию шли пути, соединяющие Северную Европу с Востоком: здесь можно было обменивать товары Севера и русских областей – меха, рабов и многое другое – на сокровища Востока.

Древнейшая славянская летопись Нестора, известная под названием Повесть временных лет, в выразительной форме рассказывает о появлении в этих далеких странах скандинавов – варягов.

Хронология летописи Нестора ошибочна, и большие хозяйственно-политические связи, на фоне которых происходят описанные у него события, незаметны в его рассказе. Однако мы увидим их совершенно ясно, как только посмотрим, куда стремились скандинавы. Новгород лежит в устье реки Волхов при выходе ее из озера Ильмень. Отсюда идет большой речной и морской путь к Ладоге, Неве и Финскому заливу. Изборск лежит на несколько километров южнее Чудского озера, откуда ведет второй путь к Финскому заливу по реке Нарве. Город Полоцк контролирует третий путь к Балтийскому морю – по реке Двине. Белое озеро расположено у скрещения рек и озер, которые связывают Ладогу с Волгой через Свирь, Онегу и несколько маленьких рек. На верхнем течении Днепра, там, где оно ближе всего подходит к рекам, текущим на север, расположен нынешний Смоленск, который как бы связывает всю водную систему этого района. В районе Смоленска археологи обнаружили огромное кладбище с многочисленными находками, свидетельствующими о ранних связях славян с Севером. Киев господствует над средним течением Днепра. Ко всем этим важным пунктам, ключевым позициям бесконечных рек Русской равнины, устремились завоеватели. Викинги были хорошо знакомы со шведскими реками, научились перетаскивать корабли на катках и перегружать товары на водоразделах. Шведские корабли, видимо, строились специально с учетом особенностей такого транспорта, и греческие писатели отмечают в

своих рассказах, что шведские суда могут плавать даже на очень мелководных реках. Свои путешествия на Восток викинги начали уже в начале IX в., раньше, чем об этом рассказывает летопись Нестора. Торговля товарами скандинавских и русских областей – дорогими мехами и рабами – принесла варягам большие богатства. Поток серебра из стран Востока полился в Россию и Скандинавию. Исследователи экономической истории той эпохи утверждают, что варяги, контролировавшие удобнейшие торговые пути на Восток, оказались в чрезвычайно выгодном положении и окончательно вытеснили франкскую державу как посредника в торговле между Востоком и Западной Европой. Об экономическом процветании тогдашней Швеции можно судить не только по монетам, найденным в Швеции и на Готланде, но и по другим признакам: на одном из островов в озере Меларн вырос замечательный город Бирка, куда приезжали фризы и другие мореплаватели со всех концов Западной Европы и который в течение IX и X вв. стал центром североевропейской торговли.

Город Бирка, лежавший на острове Бьёркё на озере Меларн, сейчас уже не существует. Он пришел в упадок приблизительно в XI в. Но земля – красноречивый свидетель того, чем он когда-то был. «Черная земля», как называют образовавшиеся здесь наслоения, скрывает в себе тысячи могил, остатки домов, монеты, украшения и всевозможные предметы обихода и роскоши. Укрепленный вал окружал город со

всех сторон; неподалеку от этого вала находился замок. До сих пор еще сохранились в различных местах на берегу озера свай — остатки когда-то существовавшей гавани. Если вся эта местность будет когда-нибудь полностью археологически изучена и описана, перед нами воскреснет целый погибший мир.

На большом пути, соединявшем Восток и Запад, который шведские викинги в России и купцы в Швеции стремились целиком захватить в свои руки, следующим важным этапом был датский, еще более крупный торговый город Хедебю, у Слиена, в южной части Ютландии. В те времена купцы с юга не очень охотно предпринимали рискованные путешествия с драгоценными товарами к северу от Ютландии, а предпочитали производить перегрузку товаров во внутренней части Слиена, где вырос город Хедебю, или пользоваться надежным путем через южную часть Ютландии и дальше плыть по морю. Поэтому совершенно логичным был следующий этап шведской экспансии, когда шведские викинги отправлялись в завоевательные походы против района Хедебю. Подобно тому как варягам удалось захватить все важные экономические и стратегические пункты на русских торговых путях, шведский морской конунг захватил торговые центры в Южной Ютландии. В этих походах, предпринимавшихся с целью торговли и завоеваний, заметна большая целеустремленность, хотя и нельзя еще с полной уверенностью утверждать, что за всеми этими экспедициями стояло единое го-

сударственное руководство⁷.

О своеобразной шведской династии викингов, которая утвердилась в Хедебю, в Южной Дании, мы находим некоторые сведения в двух рунических надписях, найденных там. В этих рунах мы встречаем имена короля Гнута, его жены королевы Асфриды и их сына Сегтрюгге, в память которых воздвигнуты памятники. Даже Адам Бременский, написавший в 70-х гг. XI в. историю Дании по рассказам короля Свена Эстридсена, слышал от него о державе шведов у Слиена. Эта держава достигла расцвета в первой половине X в., но оказалась недолговечной. На севере создавалось датское государство, а с юга на важнейшие позиции Хедебю наступала восточнофранкская держава. Власть шведов в Южной Ютландии пала, вероятно, около 30-х гг. X в.; о ее границах в годы короткого периода расцвета говорит руническая надпись из Сединге в Лоланде.

Но не только эта династия шведских викингов обращала свои взоры на Запад. По-видимому, многие шведы отправлялись на свой страх и риск в западные страны, особенно в конце X в.; по преимуществу они поступали на службу к тем вождям, которые в то время занимались главным образом тем, что грабили Англию и облагали ее жителей данью. Это были люди вроде Улава Трюггвасона из Норвегии или Свена

⁷ Пиратские набеги и походы викингов вряд ли можно считать результатом наличия единого государственного руководства, которого в Швеции еще не могло быть в это время.

Чугушегга (Двадцатибородого) из Дании. Теперь все чаще встречаются камни с рунами, в которых повествуется об участии шведов в походах викингов на Запад. Так, например, в одной руне мы читаем о походе Ульфа из Оркеста в Упланде, который «три раза собирал датские деньги в Англии», находясь на жалованье по очереди у вождей Тосте, Торкеля и Кнута. Может быть, этого Кнута следует отождествить с известным в истории датским королем Кнутом Великим. Имя этого короля приходит на память при чтении и других рунических надписей, найденных в Упланде, вроде следующей: «Стеркер и Юрвард велели воздвигнуть этот камень в честь своего отца Гейре, входившего в общину на западе. Господь да упокоит его душу». В третьей надписи говорится о сёдерманландце, сыновья которого воздвигли камень в память о Гудвире, «бывшем на западе, в Англин, и получившем свою долю добычи». Далее стих гласит, что «он усиленно штурмовал крепости в стране саксов». На востоке Швеции остались многочисленные руны, свидетельствующие об участии шведов в больших набегах датчан на Англию. Но шведы еще и до этого времени бывали на Западе; мы находим их, например, среди первых скандинавов, колонизировавших Исландию, хотя они прибыли туда круглым путем, через Англию.

Вся Северная Европа со всеми граничащими с ней областями на западе и востоке лежала в то время открытой перед шведами, и они хорошо использовали имевшиеся у них

возможности. Сбор «датских денег»⁸ в Англии был для шведов доходной статьёй; до сих пор в Швеции находят большие клады серебряных монет.

За каких-нибудь два века, в то время как шведы в западных походах викингов следовали за датскими королями в Англию, положение в России значительно изменилось. Небольшие колонии варягов растворились среди многочисленного русского населения. Связь между этими шведами и их родиной либо прекратилась, либо изменила свой характер. Обстановка на Востоке также изменилась, а вместе с этим изменились и торговые возможности варягов. Южные страны постепенно вытеснили Россию и Скандинавию как посредников в торговле между Европой и Востоком, и Швеция снова оказалась в тени. Хотя скандинавы продолжали ездить в русскую державу и Константинополь, но теперь они служили там в качестве «варягов», личных телохранителей византийских императоров; в XI в. один шведский варяг вырезал знаменитую руническую надпись на мраморном льве в Пирее у Афин. В самой России, в Киеве и в других местностях варяги к тому времени были уже поглощены славянами. Процесс их ассимиляции в России остается для историка еще мало известным.

Впрочем, шведам удалось еще один раз в XI в. (около 1040 г.) предпринять большой поход на территорию России,

⁸ «Датские деньги» — дань, вносимая английским народом датчанам в качестве откупа от их набегов.

«в великий Свитиод». Путешественник Ингвар со многими людьми, набранными им в различных областях Швеции, отправился на восток. Многие участники похода остались там, о чем свидетельствуют многочисленные надгробные памятники с рунами в Швеции, которые могут рассказать о многом: эти короткие и скудные надписи часто дают очень выразительные картины шведской жизни X и XI вв. На одном из камней в Туринге мы находим описание какой-то знатной семьи из Сёдерманланда. Речь идет о нескольких братьях, из которых один, Торстен, погиб в России.

Братья были
лучшими людьми
дома, на земле
и вне дома, в сражениях.
Они содержали своих
хускарлов⁹ хорошо.
Погиб в бою [Торстен]
на востоке в Гардарике
вождь войск,
лучший из соотечественников.

Идеал героя в эпоху викингов, воплощавшего в себе три добродетели: «быть властным землевладельцем, храбрым воином и щедрым хозяином-вождем дружины, связанной с ним союзом непоколебимой верности», ярко выражен в этой

⁹ Хускарлы – бойцы личной дружины знатных шведов.

короткой надписи.

Жизнь этой эпохи, полная борьбы и приключений, нередко трагических, выступает перед нами в рунической надписи на камне в Эстерйётланде у Хёгбю, которая также может служить в качестве перечня походов героя. Торгерд поставил этот камень в память своего дяди со стороны матери – Ассура, который погиб в далекой Греции.

Пять сыновей родил
Добрый Гулле.
Знаменитый Асмунд
пал при Фюрисе.
Ассур нашел
конец в Греции.
Хальвдан был убит
на островной дороге.
Каре умер дома.
Мертв и Буи.

Другую сторону жизни раскрывает еще одна руническая надпись на камне из Седертелье: «Хольмфаст велел проложить дорогу и построить мост в память о своем отце Гейре, который жил в Несбю. Бог да спасет его душу». Еще одну дорогу Хольмфаст велел проложить в память «своей доброй матери Ингегерд».

На одном из камней руна гласит, что камень этот должен стоять «между деревнями». Деревни, усадьбы знати, дороги,

прокладываемые между деревнями, — вот что мы встречаем в Швеции в эпоху викингов. Те экономические возможности, которые Швеция получила в результате своей торговли с Россией, несомненно, способствовали мирному труду. Продолжалась разработка земли, строились новые деревни, формировались общественные и трудовые порядки общины.

О политической обстановке в стране в эту эпоху мы знаем очень мало. Известно, что в начале IX в. в Бирке правил король, но у нас нет сведений о том, как велико было его государство. Зато мы знаем, что народ на «тинггах» пользовался большой свободой.

Во второй половине IX в. некий норвежец Вульфстан рассказывал Альфреду Великому, королю Англии, что он узнал о Швеции во время своего плавания по Балтийскому морю. Он отплыл на восток из Хедебю. С правой стороны у него все время лежала земля вендов, с левой находились владения датчан — Лангеланд, Лоланд, Фальстер и Сконе; далее Борнхольм со своим собственным королем и, наконец, Блекинг, Мере, Эланд и Готланд, принадлежавшие севякам. Вульфстан, очевидно, хорошо знал географию тех мест, по которым проезжал, и политическую обстановку того времени. Его словам, может быть, и не безоговорочно, все же можно верить. Из этого источника мы узнаем впервые о существовании по крайней мере одного восточношведского государства, распространившего свою власть на чрезвычайно важные для мореходства большие балтийские острова. Таким образом,

шведские области объединились в то время, когда купцы и воины за пределами Швеции добывали ей богатство и славу.

Составляли ли тогда Западная Швеция и Вестерйётланд часть этого восточношведского государства? Наш источник не дает ответа на этот вопрос; нет ничего, что говорило бы об этом с полной достоверностью. Некоторые ученые заключают из рунической надписи, сделанной около 800 г. на камне у Спарлёсы в Вестерйётланде, что король Альрик из Упсальского рода, сын короля Эрика Упсальского, в то время правил в Вестерйётланде. Если мы осмелимся принять это толкование руны, то должны будем признать, что уже за сто лет до Вульфстана в Швеции намечались тенденции к объединению. Тут возникает вопрос: когда были определены и окончательно объединены центрально- и восточношведской державой остальные области Швеции? На этот вопрос чрезвычайно трудно ответить, но, вероятно, в начале XI в. уже существовала шведская держава. Первым, наиболее известным нам правителем этой объединенной Швеции был (около 1000 г.) король Улоф Шетконунг, сын легендарной Сигриды Стурроды, участник битвы при Сволдерне (в Эресунде), воспетый впоследствии в исландских сагах. В то время, когда шведское государство начало вести единую для всей Швеции внешнюю политику, оно устанавливает отношения прежде всего с Данией и Норвегией. За время приблизительно с 995 до 1060 г., то есть в течение нескольких десятилетий, когда в Швеции правили Улоф Шетконунг и его сыно-

вья, в Норвегии – Улав Харальдссон и его преемники Свен Чугушегг, Кнут Великий и другие короли, вплоть до Свена Эстридсена, а Дания была связана то с одним, то с другим государством, впервые были определены и границы между Скандинавскими государствами.

Одно время после своей победы над норвежцами и шведами при Хельгео в 1028 г. датский король Кнут Великий правил сразу Данией, Норвегией, «частью свеев» и Англией. Это была первая, продолжавшаяся очень недолго, попытка объединить в одно целое три только что образовавшихся, еще мало стабилизовавшихся государства. Однако центробежные тенденции были тогда сильнее центростремительных, так как эти государства объединились совсем недавно и не имели большого опыта во внешней политике. Швеция осталась обособленной страной.

Глава 4. Начало проповеди христианства в Швеции (830-1100 гг.)

В 829 г. франкский монах Ансгар отправился в путешествие на север из Хедебю, куда он прибыл ранее из каролингской державы. Он ехал в Бирку, широко известный торговый город того времени в области Меларн в Центральной Швеции, с целью распространения среди шведов христианства в интересах франкского государства и католической церкви. Кроме того, тут сыграла роль и забота о христианских купцах, посещавших Бирку, и о христианах, уведённых в рабство, как это было в обычае в Скандинавии. Сам король Бирки предложил, чтобы в Бирку был послан миссионер.

В те времена не одни только путешествующие купцы, но и ученые географы Европы уже имели некоторое представление о Скандинавии. Переселение народов и начало походов викингов привели к установлению разного рода связей между христианскими народами Юга и Скандинавией, и на Юг стали поступать в большом количестве сведения о странах Балтийского моря. Придворный летописец Карла Великого и Людовика Благочестивого Эйнгарт сделал даже попытку дать подробное описание Скандинавии. Но Ансгар, осуществляя свое предприятие, конечно, основывался толь-

ко на неверных слухах о Скандинавии. Без сомнения, чтобы решиться в таких условиях на поездку, необходимо было обладать смелостью.

Биограф, друг и последователь Ансгара, Римберт, оставил нам описание этой поездки в неизвестную страну морских пиратов. Римберт рассказывает, что сначала путешественники плыли по морю на одном из купеческих кораблей. При Ансгаре был другой монах, по имени Витмар. Во время плаванья по Балтийскому морю они встретили морских пиратов-викингов.

«Купцы, которые ехали с ними [то есть с монахами], – рассказывает Римберт, – защищались храбро и в первой схватке одержали верх, но в следующем сражении с теми же самыми пиратами потерпели поражение, и пираты отобрали у них корабль и имущество; им едва удалось добраться до берега и уйти пешком. Таким образом, они потеряли те королевские дары, которые везли с собой к свеям, и все, что имели с собой, за исключением немногого, что они сумели захватить, когда оставили корабль. И все же они не пожелали отказаться от своего предприятия. Они продолжали пешком свой трудный и бесконечный путь, переплывая на лодках встречавшиеся им по пути озера; в конце концов они прибыли в гавань, которая называлась Бирка, здесь их очень милостиво принял король по имени Бьерн».

Миссионеры объяснили королю цель своего приезда в Бирку. Король, выслушав мнение своих приближенных, раз-

решил миссионерам остаться в его государстве и свободно проповедовать их учение. Один из приближенных короля, по имени Херигар, фогт города и член королевского совета, особенно благосклонно отнесся к проповеди монахов, одалжил им земель и выстроил для них церковь. Миссия была очень успешной. Она продолжалась до 831 г.

Вернувшись из Швеции, Ангар получил за свои заслуги епископство во вновь учрежденной епархии в Гамбурге. После Ангара в Швецию отправился с миссией епископ Гаузберт, родом тоже из франкской державы, но к тому времени язычники в Швеции начали борьбу против христианства, и он был изгнан. А в это время Ангар в Гамбурге тоже испытал силу сопротивления язычества. В 845 г. на Гамбург напали славянские племена и сожгли город, вследствие чего епископскую резиденцию временно пришлось перенести в более надежный Бремен. И все же Ангар, через тридцать лет после своей первой опасной поездки, отправился на север, ибо не нашлось никого другого, кто согласился бы поехать в Бирку. Было известно, что за это время одного миссионера изгнали из города, другого убили, третий же, бывший раньше миссионером-отшельником, снова остался в одиночестве, после того как умерли последние из немногочисленных членов христианской общины в Бирке. Ангар снова организовал там общину, которая просуществовала несколько лет. Но так как в этот период шведы больше думали о торговле с Россией, с которой они находились в оживленных тор-

говых сношениях, они мало интересовались христианством.

В рассказах и повествованиях о жизни Ансгара и его помощников оставило свой след легендарное представление о великой борьбе добра и зла. Но все же в более достоверных сочинениях Ансар выступает как человек очень своеобразный, и даже традиционная схема, в которую втиснуто его жизнеописание, не может скрыть его подлинного образа, образа человека с беззаветным стремлением к открытиям, которое непреодолимо влекло его в неизвестные страны, на край земли, с даром организатора и большой силой воли.

Старания Ансгара ввести в Швеции христианство в то время не могли увенчаться успехом, ибо Швеция была тогда мало заинтересована в связях со странами, лежащими к югу от нее. Она была связана главным образом со странами, расположенными на востоке и юго-востоке. Таким образом, миссия Ансгара осталась в истории Швеции эпизодом, достойным упоминания прежде всего потому, что в его биографии как-то освещается жизнь крупного торгового центра в долине Меларн в IX в. Таким же эпизодом осталась и вторая миссионерская попытка, предпринятая архиепископом Унии из Гамбурга в 30-х гг. X в. и окончившаяся его преждевременной смертью в Бирке.

Сведения, полученные нами о периоде этих неудачных попыток миссионеров и о периоде, непосредственно следовавшем за этими попытками, позволяют нам составить некоторое представление о состоянии в этот момент язы-

чества, с которым христианским проповедникам было так трудно бороться. Таинственные обряды, представления о богах – солнца, грома и творения, – которые существовали в доисторические эпохи, теперь были частично приведены в порядок, и из них сформировалась мифология, правда еще несовершенная. Мир мифов, который сохранился для нас в западноскандинавском варианте Эдды, с асами и ванами, мифами о сотворении мира, о колеснице Рагнара, о Валгалле – жилище погибших воинов, о страшном обиталище Хели – все это имело свои соответствия и у шведских племен времен викингов. Различные названия местностей в Швеции, как и в других Скандинавских странах, напоминают о языческих богах. Такие названия местностей, как *Оденсви*, *Торсхарг*, *Фриггерокер* и *Фретуна*, свидетельствуют как о поздно появившемся главном боге, боге войны Одине, так и о более близких народу богах и богинях. Даже такой бог, как Улль, играющий в Эдде совсем незначительную роль, представлен в шведской топонимике (ср., например, название местности *Ультуна*) и пользовался большим почетом в Швеции. В период оживленных сношений между римлянами и германцами образовались германские названия дней недели, стоявшие в прямой зависимости от римских. Так, например, дню Меркурия соответствовал день Одина (*onsdag*, среда), день Юпитера соответствовал дню Тора (*torsdag*, четверг), день Венеры соответствовал дню Фрей (*fredag*, пятница). Германские названия перешли затем к шведам. Люди в те време-

на верили также в различные одушевленные силы природы, добрые и злые, и все это вместе с древними мифами плодородия жило в сознании шведского крестьянина еще очень долго после введения христианства, вплоть до эпохи развития в Швеции промышленности – спустя тысячу лет.

А между тем в легендах об Ансгаре почти нет упоминаний о языческих богах. Один только раз говорится о каком-то умершем шведском короле Эрике, который был унесен богами. Впервые более или менее ясное представление о характере шведского язычества мы встречаем у Адама Бременского, знаменитого автора написанной на латинском языке первой истории гамбургских архиепископов, значительная часть которой посвящена истории Скандинавии. Адам писал, что в его время, в 70-х гг. XI в., в главной области тогдашней Швеции – долине Меларн – существовал важный языческий религиозный центр – широко известный храм в Упсале. Это святилище шведского народа, как передает Адам Бременский, было расположено недалеко от Сигтуны, пришедшей на смену Бирке в качестве торгового центра Швеции и лежавшей на северном берегу Меларнского залива. Адам Бременский пишет:

«Это святилище все украшено золотом, и в нем народ молится перед изображениями трех богов: Тор, могущественнейший из них, возвышается на своем троне посреди храма, а по обеим сторонам его – Бодан (Один) и Фрикко (Фрей). Отличительные черты этих богов следующие. Тор, как гово-

рят, является властелином воздуха. Он управляет громом и молнией, бурей и дождем и хорошей погодой для урожая. Один (что означает ярость) – бог войны. Он наделяет мужчин храбростью в бою с врагами. Фрей посылает людям мир и сладострастие. Один выступает вооруженным, как у нас Марс, а Тор со своим скипетром (тут речь, очевидно, идет о молоте бога грома. – И. А.) похож на Юпитера. Каждый из этих богов имеет своих особых жрецов, которые принимают от народа жертвы. Когда угрожает болезнь или голод, приносят жертвы богу Тору, если угрожает война – Одину, перед празднованием свадьбы – Фрею. Каждые девять лет в упсальском храме обычно устраивается один общий для всей Швеции торжественный праздник в честь трех богов, и никто не может быть освобожден от участия в этом празднестве. Все, начиная от короля и кончая самым простым и бедным крестьянином, посылают в этот день дары в Упсалу, а те, кто уже принял христианство, должны присылать выкуп за освобождение от упсальской церемонии.

Для жертвоприношения от всего живого берется по девять жертв мужского пола; их кровь служит для умилоствления богов. Тела умерщвленных долго после жертвоприношения висят на деревьях в священной роще, недалеко от храма. О святости этой рощи язычники такого высокого мнения, что считают каждое дерево в ней божественным. Рядом с людьми здесь висят также трупы собак и лошадей; один из христиан рассказал мне, что он сам видел на деревьях свя-

щенной рощи семьдесят два таких трупа, висящих друг подле друга».

Рассказчик, Адам Бременский, вообще говоря, хорошо осведомлен о Швеции: в приведенной цитате он ссылается на одного анонимного автора-христианина; в другом месте он указывает как на источник полученных сведений на Свена Эстридсена из Дании, который долго жил в Швеции, а также на путешественников из Гамбурга. Замечательный храм в Упсале, который он описывает – подлинные остатки его сохранились, – был центром шведского язычества, и не только для Меларна, но также и для других шведских «королей и народов», то есть для многочисленных племен, населявших Швецию, и их вождей, имевших связующий центр в упомянутом святилище и общую культовую организацию, о которой говорит Адам Бременский. Упсальский храм стал центром сопротивления новым попыткам включить Швецию в державу католической церкви.

Около 1000 г. эти попытки участились, они начали становиться все более упорными; в различных местах возникали один за другим новые очаги христианства, они как бы окружали главные центры язычества. Весь XI в. в истории Швеции наполнен еще плохо известной, но ясно заметной борьбой между язычеством и христианством. Только с помощью аналогии и фантазии мы можем получить некоторое представление о тех личных, экономических, политических, организационных и религиозных конфликтах, которые имели

место в Швеции в те отдаленные времена. Рассказы позднейших исландских авторов и назидательные христианские писания не могут нам здесь помочь. Почему старое вероучение в Швеции проявило большую силу сопротивления новому, христианскому учению, чем во всех других странах Скандинавии? Ответить на этот вопрос определенно мы не можем.

Мы можем установить здесь лишь некоторые основные моменты распространения христианства. В течение XI в. ориентация внешней политики Швеции изменилась. Если раньше Швеция поддерживала более тесные связи с Востоком, то теперь она ориентировалась на Юг, и это, конечно, сыграло свою роль при введении христианства. Стабилизация германского государства и его все возрастающее влияние увеличили также значение миссионерской деятельности Гамбурга. Во главе гамбургско-бременского архиепископства стояли очень умелые церковные деятели. Большую роль сыграло введение христианства в странах, граничащих со Швецией. Это было время усиленного распространения христианства. Король Улоф Шетконунг, союзник короля Свена Чугушегга в борьбе против короля Улава Трюггвассона, принял сторону христианства, хотя был не в силах бороться с влиянием языческого храма в Упсале. В Сигтуне начальник монетного двора, англичанин, чеканил монеты со знаком креста; английское влияние сказалось также на архитектуре старейших церквей в Сигтуне. Миссионеры прибывали в Швецию и из Норвегии (норвежские короли начали реши-

тельно поддерживать христианство), и из Дании, ставшей к тому времени полностью христианской. По некоторым данным, миссионеры прибывали в Швецию также с востока, из православной России; к концу XI в. даже французские миссионеры нашли сюда дорогу.

Но самое большое влияние в Швеции все же оказывали гамбургские миссионеры. Они создали опорные пункты христианства в Швеции – один в уже ранее принявшем христианство селении Скаре в Вестерйётланде, другой – в Сигтуне, всего в нескольких километрах от самого упсальского храма.

Сын короля Улофа Шетконунга, Анунд Якоб, сражавшийся в 1028 г. с королем Дании Кнутом Великим в Сконе при реке Хельге, под непосредственным воздействием гамбургской миссии перешел, как и его отец, в христианство, за что его похвалил Адам Бременский. Об успехах нового вероучения свидетельствуют также руны, вырезанные на камнях, относящиеся к XI в., – они носят все более открыто христианский характер. Если раньше в надписях призывали Тора, то теперь упоминалось имя христианского бога.

Язычники, однако, не прекращали борьбы, и эти разногласия нашли свое отражение также и в политической истории XI в., в междоусобных войнах и столкновениях разных претендентов на престол.

Вслед за Улофом и его сыном Анундом Якобом приняли христианство (в 60-х гг. XI в.) король Стенчиль и целый ряд его последователей; в награду за это им была оказана силь-

ная поддержка со стороны ставшего ранее всех христианским Вестерйётланда. Но и на стороне язычников боролись отдельные короли и престолонаследники. Ревнители старой веры оказывали христианству энергичное сопротивление и даже вели наступление на католическую церковь. Так, в 60-х гг. XI в. язычники изгнали из Сигтуны епископа. То же самое произошло и в Скаре. Судя по всему, язычники, боровшиеся против христианства, собирались на происходившем раз в девять лет великом празднике жертвоприношения в Упсале.

Из всех христианских проповедников и церковных организаторов на протяжении всего периода суровой религиозной борьбы в Швеции (XI в.) нет ни одной такой яркой фигуры, как Ансгар. Легенды, которые были много позже сочинены победившей церковью о святом Зигфриде или святых Эскиле и Ботвиде из Сёдерманланда, или даже о Давиде Мункаторпе из Вестманланда, дают о них мало точных сведений. Об Эскиле сохранились еще следы в легенде о Кнуте англо-датского монаха Эльнота, относящейся к началу XII в. Этот монах рассказывает, что Эскиль прибыл в Швецию из Англии, здесь он проповедовал христианство каким-то диким племенам и в конце концов был убит. Других подробностей о его миссионерской деятельности мы не знаем. Все, что нам достоверно известно о знаменитом Зигфриде, деятельность которого позднейшие авторы легенд приурочили к Смоланду, чрезвычайно незначительно. Все известия о королях, вождах и миссионерах этого периода борьбы в Шве-

ции очень туманны.

Уже упомянутый нами Эльнот кое-что слышал об этой то разгоравшейся, то утихавшей борьбе язычников с христианами в Швеции. Он попытался даже осветить и объяснить отдельные факты в следующих наивных словах:

«Свен и ёты, когда все идет хорошо и согласно их желаниям, на словах сохраняют христианскую верность. Но когда на них обрушиваются неудачи – в виде неурожая, засухи, бури или непогоды, нападения врага или пожара, – то они преследуют почитание бога, которого они на словах чтили, и мстят всем оставшимся верными христианству, которых они стремятся совершенно изгнать из своей страны».

Слова Эльнота в некоторой мере дополняют характеристику этого важного и мало изученного периода шведской истории.

В конце концов сопротивление язычников было сломлено. Упсальский языческий храм пал, его боги были низвергнуты и уничтожены, и на развалинах языческого святилища была построена церковь. Насколько недостаточно нам известен этот период, можно судить по тому, что мы не можем даже установить дату этого важнейшего события. Вероятнее всего, разрушение храма произошло в конце XI в., приблизительно при жизни датского короля Кнута Святого. Вскоре после этого прекратилась власть гамбургского архиепископа над церковью в Скандинавии, и христианская церковь в Швеции попала в подчинение вновь учрежденному архиепи-

скопству в Лунде. Это произошло около 1103 г.

Конечно, глубокого, всестороннего изменения в образе мышления в Швеции не произошло непосредственно после, так сказать, официального падения язычества. Еще на протяжении всего XII в. язычество встречало немало приверженцев на далеких окраинах Швеции, но Рим мог уже включить эту отдаленную страну в число стран, находившихся под его влиянием. В Швеции повсюду началось строительство церквей; это были пока еще только деревянные церкви, построенные по типу, принятому в Норвегии; образцы таких церквей имеются в Вестерйётланде и на Готланде. Начали рукополагать священников; вокруг каждой церкви был образован приход; епископства приобрели постоянный характер, вокруг них вырастали большие христианские общины, возникали города нового типа. Около 1120 г. нам известно шесть шведских епископских кафедр в городах Скаре, Линчёпинге, Эскильстуне, Стренгнесе, Сигтуне и Вестеросе. В Сигтуне до настоящего времени сохранились величественные развалины каменной церкви древнейших христианских времен, построенной в романском стиле; церковь эта, несомненно, должна была казаться каким-то чудом скандинавам, никогда не видевшим на своей земле таких зданий. Здесь следует отметить, что в то время южные провинции – Вестерйётланд и Эстерйётланд – имели каждая лишь по одному епископу, в Скаре и Линчёпинге. Зато в Меларне и Ельмарне, старых важных областях Швеции, было четыре епископа,

так как римская церковь считала эти области беспокойными. В 30-х гг. XII в. епископская резиденция была переведена из Сигтуны в Старую Упсалу, где раньше находился знаменитый языческий храм, к тому времени разрушенный до основания. Так закончилась эпоха миссионерства.

Глава 5. От рода и общины к единому государству (1050–1250 гг.)

Основой общественного строя Швеции времен викингов и начала христианства был род. Великолепно описанным в исландских сагах родовым войнам соответствовали в Швеции те споры из-за прав собственности и вопросов чести, которые нарушали мирный труд населения на полях и лугах и во время которых часто разрушались усадьбы вождей и крестьянские поселения.

Рунические надписи на камнях часто содержат намеки на обман, убийство, осуществленную месть или стремление к мести, как, например, руна на камне в Реке; эта самая большая – и самая загадочная – надпись из всех сохранившихся старых надписей (на втором месте стоит известная уже нам Вестерйётландская руна) расшифровывается как некая магическая формула, охраняющая честь рода и обеспечивающая осуществление родовой мести. Некоторые зачатки примитивных правовых норм, которые регулировали отношения между людьми и отдельными родами, можно встретить в древнейшем юридическом фрагменте, который сохранился в Швеции, – в так называемом «языческом законе» о правилах ведения поединка:

«Если муж скажет бранное слово мужу: „Ты не равен му-

жу и не муж сердцем“, а другой скажет: „Я муж, как и ты“, эти двое должны встретиться на перепутье трех дорог. Если придет тот, кто сказал слово, а тот, кто услышал, не придет, то он – тот, кем его назвали, он больше не способен к клятве и не годится в свидетели ни по делу мужчины, ни по делу женщины. Если же, наоборот, придет тот, кто услышал, а тот, кто сказал слово, не придет, то он три раза крикнет: „Злодей!“ – и сделает отметку на земле. Тогда тот, кто сказал, – хуже его, так как он не осмеливается отстоять то, что сказал. Теперь оба должны драться всем оружием. Если упадет тот, кто сказал слово, – оскорбление словом хуже всего. Язык – первый убийца. Он будет лежать в плохой земле».

Магическое значение слова, всепобеждающая сила «че-сти», личная физическая сила как решающий фактор в единоборстве – все это ярко рисует общество, в котором драматические конфликты, подобные описанному, были обыденными явлениями. Но существовали также и правила для искупления убийства, как свидетельствуют уже эти постановления. А одна из замечательных рунических надписей в Эстерйётланде на камне Оклунда свидетельствует о том, что лица, которым угрожала кровавая месть на почве родовой вражды, могли обращаться к защите языческих святилищ. Эта руническая надпись вырезана на горе, очевидно, вблизи древней священной рощи, и ее толкуют следующим образом: некто по имени Гуннар бежал от преследования родственников человека, которого он убил; ему удалось скрыть-

ся в священной роще Ви, и под ее защитой (здесь можно вспомнить об описании Адамом Бременским «божественности» упсальской рощи) он добился примирения, скрепленного жрецом этой священной рощи, Ви-Финном.

Мечь – ответ и быстрый, и эффективный – проводилась в жизнь отдельным лицом при помощи рода, но и здесь уже с раннего времени было возможно регулирующее влияние общества, создавшего специальные нормы права. Применение этих норм было делом тинга, то есть собрания вооруженных свободных людей; по мере надобности создавались и новые правила для «ланда» (области) под руководством лагмана.

Даже меньшие территориальные единицы, так называемые сотни – херады, или хундары, – которые, может быть, получили свою организационную форму именно около этого периода, имели свои тинги. Об этих собраниях рассказывается и в легенде об Ансгаре и в хронике Адама Бременского.

Классическое изображение подобных собраний и их лагманов дал уже известный нам исландский скальд Снурре Стурлусон в своей новелле о лагмане Торгни, который от имени всего народа вел процесс против короля свеев Улофа Шетконунга. Но, как показали исследования, на самом деле эта новелла изображает Исландию в эпоху Снурре. Все, что мы действительно знаем о тинге, известно нам на основании предписаний областных законов, которые были записаны позже. Но даже в этих материалах и записанных нормах права, относящихся в основном уже к христианской эпохе,

мы еще встречаем формулы присяги, которые прямо напоминают языческие нравы, например: «Так истинно да будут боги милостивы ко мне, как я говорю истинно».

О жизни знатных людей и крестьянства в это древнее время мы можем получить лишь неполное представление, так как наши материалы ненадежны и часто получены, так сказать, из вторых рук. Походы викингов дают лишь внешнюю сторону событий, а богатые торговые центры, предшественники позднейших городов, – места, как Бирка и Сигтуна, – пришли в запустение либо совершенно исчезли с лица земли и были обнаружены только в результате раскопок археологов XIX в.

Каждое поселение той эпохи жило своей особой жизнью, и настоящую связь между этими поселениями и отдельными областями создавали только торговые и военные походы викингов и купцов, общая военная организация и уже упоминавшийся нами праздник жертвоприношения в Упсале, повторявшийся каждые девять лет. Да и этот праздник с распространением христианства прекратил свое существование. Тем не менее некоторые описания шведской жизни, современные переломной эпохе XI в., сохранились. На первом месте среди них стоит рассказ Адама Бременского, опиравшегося главным образом на свидетельство Свена Эстридсена. Его рассказ об упсальском храме мы уже приводили. Вот что пишет Адам Бременский о шведах:

«Швеция – очень плодородная страна. Шведская земля

обильная хлебом и медом – и в отношении скотоводства превосходит все прочие страны в мире... Все, что относится к пустому тщеславию – пышность, золото, серебро, великолепные лошади, бобровые и куны меха, – то, что мы обожаем до безумия, для них ровно ничего не значит. Только в вопросе о женщинах они не знают меры: каждый швед, смотря на своему состоянию, имеет двух или трех жен или больше. Богатые и вожди обладают несчетным числом жен. Хотя все гиперборейцы отличаются гостеприимством, особо следует отметить гостеприимство шведов. Ибо для них отказать страннику в приеме – самый большой позор; они даже усиленно соревнуются между собой в том, кто из них более достоин принять у себя гостей... Подобные хорошие обычаи наблюдаются у них».

Адам дает своеобразное описание диких и пустынных скандинавских земель со слов Свена Эстридсена:

«Король данов рассказал, что там жил народ, который часто спускался с гор в долину. Они были невзрачны на вид, но своей силой и ловкостью были очень опасны для шведов. Неизвестно, откуда эти люди приходили, – говорит Свен Эстридсен, – они появлялись совершенно внезапно, иногда каждый год, а иногда раз в три года. Если им не оказывали сопротивления, они опустошали и грабили страну, а затем уходили обратно».

Пограничные земли, которые простираются еще дальше на север, к Лапландии, и большие области Норланда, кото-

рые теперь принадлежат к числу богатейших и важнейших областей Швеции, в ту пору еще не были шведскими землями.

Мы имеем и другое свидетельство о тогдашней Швеции, принадлежащее современнику событий начала XI в. Это придворный скальд и дипломат Улава Святого – Сигват. Он дал в поэтической форме знаменитое описание своего путешествия по шведской земле с политическим поручением.

Во двор я пришел к вечеру.
Двери были на запоре, но, наклонившись,
я попросил впустить меня;
смело я просунул нос свой в щель.
Короткий ответ получил я на мой вопрос:
язычники сказали,
что место это священо, и прогнали
меня прочь. Я просил тролля убраться их...
«Не подходи, – воскликнула женщина, —
несчастный юноша, не приближайся!
Я боюсь гнева Одина.
Мы почитаем старых богов!»
Отвратительная женщина хотела,
подобно ненавистному волку, прогнать меня

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.